

ИСТОРИЯ ЧУДОВИЩА

Андрей Ермолин

Андрей Ермолин
История чудовища

«Издательские решения»

Ермолин А. С.

История чудовища / А. С. Ермолин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856276-1

Обезображенный мутацией, Виктор нашел смертельно опасный способ вернуть человеческий облик, но на пути появляется некромант. Виктору предстоит остановить его, принеся страшную жертву.

ISBN 978-5-44-856276-1

© Ермолин А. С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

История чудовища

Андрей Сергеевич Ермолин

© Андрей Сергеевич Ермолин, 2017

ISBN 978-5-4485-6276-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Что делает мужчину, женщину или старика человеком? Чем люди отличаются от чудовищ? Возможностью выбора? А может, нет никакого разделения? Может, человек и есть самое страшное чудовище на свете? Убивает ли оборотень из зависти? Нет, он убивает, потому что его природа такова. Способен зверь ненавидеть? Он лишен этого чувства, а человек им наделен. Я кое-чего повидал.

Я видел, как охотники затаскивали в город привязанные за ноги к телеге окровавленные тела: мужчины, женщины и дитя. Они были абсолютно голыми и десятки стрел пронзали их безвольно хлюпающие в грязи тела. Это была часть стаи оборотней, что жила в округе. Я видел, как люди подвешивают их за ноги над городскими воротами, и чувствовал, как на следующий день меня провожают из города три пары пустых глазниц – работа ворон.

Я был свидетелем сожжения ведьмы. Специально сложенный для нее костер из сырого дерева, который больше тлеет и дымит, а не горит, возвышался в самом центре площади. Я смотрел на то, как ее ноги и руки разбивались в кровь в надежде зацепиться за камни, по которым ее за волосы тащили к костру. Я слышал ее долгий, пронзительный крик, а после – чувствовал тошнотворную вонь горящего мяса.

Я пытался остановить толпу, забивающую уродливого горбуна, попытавшегося украсть с прилавка кусок мяса. Я чувствовал на разбитых губах вкус меди, когда не смог ему помочь и с ужасом следил за методичными ударами лавочников. Я с болью в сердце ощущал легкость горбуна, укладывая его тело в могилу.

Я чувствовал исходящий от толпы жар ненависти и отворачивался, когда горожане убивали мать, вставшую на защиту своего сына, обвиненного без суда в убийстве. Я плакал от счастья, узнав, что ему удалось сбежать. Я пал на колени перед изувеченным телом его матери.

Я путешествовал всюду и всюду натыкался на жестокость человеческую. Я видел кровь и обугленные до черноты ночи тела. Сострадал рыдающим над уродливыми телами детей матерям и презирал стоящих рядом, тяжело дышащих убийц с яркими от крови кулаками.

Я сдерживал рвотные позывы, видя неистово жрущих все, что попадет под руку, зрителей, сидящих на казни и с чувством экстаза на лицах наблюдающих за смертью приговоренного. Во время отрубания головы, когда кровь тугой струей бьет из артерии, зрители получали высшее наслаждение не имеющее аналогов, некоторые от удовольствия теряли сознание.

Я все это видел. Я – человек, решивший покорить мир и воспеть в стихах геройские поступки богатырей. Я – тот, кто мечтал описать красоту городов в песнях! Я увидел мир и мир оказался не таким, каким представлялся ранее... Он вовсе не полнится героями. Он переполнен жестокостью, которая позволяет человеку выживать в мире, где он слабее кровососа, где он глупее ведьмы, где он медленнее оборотня.

Человек должен быть жестоким, иначе он не выживет и падет! Я же не хочу быть жестоким и, если эти строки читает кто-то, то я наконец-то перестал быть человеком и стал чем-то большим, покинув этот зияющий на убиении всего необычного мир. И помните: прощаясь с ним, я улыбался.

Федор из Глушино

Сын печально известного вора и убийцы Владислава

Глава 1

Вонь котла

Черный ворон, часто взмахивая крыльями, взмыл над городом, носящим название Медов, и устремился на север, в сторону лесной чащи, что точно страж, охраняла уходящие к небу горы. Крылья ворона разрезали влажный, но теплый летний воздух, а с затянутого серыми тучами неба на него изредка попадали лучи выглядывающего солнца.

Если бы кто разобрался в полете птицы и следил бы за вороном в данный момент, хоть бы и из рубленой церкви, что молниеносно исчезла под черными крыльями, то наверняка бы заключил, что эта птица спешит. Но, никто не следил. Люди занимались своими делами, и рассматривать ворон им хотелось меньше всего. Кому-то этим утром нужно было поспеть на рынок, что раскинулся круглым построением лавок на площади. Кто-то спешил к колодцам постирать одежду и набрать воды. Кто-то поправлял на голове шлем и крепче сжимал еще не окрепшими после сна пальцами древко бердыша, широко позевывая на посту. Город Медов проснулся и по мощным камнем улочкам стучали копыта лошадей, тянущих телеги, нагруженные овечьей шерстью, мясом или бочонками с медом – всем тем, что Медов производил и выращивал.

Ворон набрал высоту, возвышаясь над дымящими то там, то тут трубами городских построек. Он стрелой пролетел над деревянной стеной, защищающей город в форме неправильного круга чередой частокола. Птица покинула пределы Медова, набрав высоту. Летела в сторону гор, проносясь над пастбищами, отделяющими городок Медов от лесной гущи на юге тремя милями зеленых просторов и сотнями белеющих и блеющих овец.

Ворон спешил, но поверни он черную голову на запад, то увидел бы, как процессия людей в серых одеяниях следует за медленно тянущей повозку с гробом лошадь. Им предстояло преодолеть еще около мили, чтобы добраться до расположившегося на западе от города кладбища. Но птица не повернула голову и на восток, где по земляной дороге рыбаки возвращались после утреннего клева с разлива реки Глубоководницы, напоминающей ужа, проглотившего каравай. Именно этим караваем и был разлив.

Оставив позади блеющие стада овец, ворон долетел до черты леса, тихого и спокойного в это сероватое, безветренное утро. Сосны и ели плотно жались друг к другу, скрывая под игольчатыми кронами густой подлесок орешника и можжевельника. В кроне деревьев пели птицы, летало много ворон, вьющих гнезда в рогатинах могучих ветвей, а также пахло смолой и свежестью. Где-то работал дятел, доставая из-под коры личинок. Но все эти звуки и ароматы едва доносились до ворона, разгоняющего воздух вокруг крыльев до свиста. Он летел над самыми вершинами сосен и стремился к горам.

Земля, расположенная у предгорья, находилась под небольшим наклоном, что особенно чувствовалось по скорому течению ручья, выбивающемуся из-под предгорных глыб. Ручей, пролегающий через лес и пастбище, окаймленный на лугах плакучими ивами, впадал в разлив Глубоководницы. Подлетев к его буйному началу, ворон взлетел вверх над поросшими в иных местах мхом камнями и полетел в сторону одиноко растущей на скале кривой сосны. Подлетая к ней, он начал громко каркать, а как только оказался под ветвями дерева, вцепившегося крючковатыми корнями в камень, то спикировал в расщелину у самых корней, точно ястреб. Он словно не обратил внимания на валяющийся из дыры в скале вонючий и горячий пар, скрывающий его черное тело в белой густоте.

Пройдя сквозь пар, ворон расправил крылья и крутанулся в воздухе над самым каменным полом, в мгновение ока перевоплотившись из ворона в нечто иное.

От скорости пикирования ему пришлось упереться косматыми руками в камни, чтобы не проехаться волосатой мордой по гальке, шумно зашипевшей под его крючковатыми пальцами.

– Черт тебя дерит! – выругалось небольшое, покрытое короткой, темно-коричневой шерстью существо, выпрямляясь в полный рост.

Если бы кто смотрел со стороны, то увидел бы волосатое создание, с полусогнутыми большими ушами, округлыми, черными глазами и слегка выпирающей нижней челюстью, на которой не имелось зубов от клыка до клыка. Сам по себе он был мускулист. Руки и ноги существа имели внушительные для его роста, а рост его едва дотягивал до колена взрослого человека, мышцы, покрытые, как и все тело, короткой, но плотной шерстью темно-коричневого цвета. Выпрямившись, существо развернулось, осматривая по пути грот.

Это была большая пустота в скале, созданная когда-то давно бурным ручьем, что теперь изменил направление и бежал восточнее от пещеры. Грот имел форму полусферы с отточенными водой стенами и галькой на полу. В том же месте, откуда в гроте появился ворон, находился разлом. Лучи света сочились сквозь иголки кривой сосны, раскинувшей ветви над естественным окном. Около расщелины в потолке грота вниз шла непосредственно сама скала, выраженная монолитной, вертикальной гладью камня. На том месте, куда попадал свет солнца, проходящий ежедневный цикл над расщелиной, она поросла густым, бурым мхом, отлично впитывающим стекающую во время дождя влагу.

Существо покрутило черным носом, точь-в-точь как у собаки, и обратило взгляд темных глаз на источник пара, помешавший ему как следует приземлиться. Как оказалось, источник – это огромный котел, водруженный на два камня, с костром под чугунным основанием. А перед всей этой конструкцией стояло нечто.

– Опять зелье варишь, черт бы тебя побрал! – недовольно рыкнуло мохнатое создание, приближаясь к котлу. Но ответа не прозвучало. – Эй, Виктор! К тебе обращаюсь!

– Не мешай, Тишка! – прозвучал в ответ грубый, рычащий голос существа, склонившегося над чаном. – Здесь нужна точность.

Тишке явно не понравился ответ, но он смолчал, поведя беззубой нижней челюстью и направившись к деревянному бочонку, стоящему рядом с кипящим чаном. Запрыгнув на него и сев, свесив когтистые лапы, он вперил недовольный взгляд в существо, одной рукой мешающее кипящую густую жижу в чане, а второй держа раскрытую книгу за кожаный переплет.

Это был то ли человек, то ли животное: высокий, мускулистый, покрытый бурыми, как мох, волосами, больше похожими на шерсть зверя. Виктор, так обратился к чудовищу Тишка, выглядел отталкивающе: чуть вытянутая вперед челюсть, имеющая ряд острых клыков, маленькие, звериные глаза цвета коры, волосатые, чуть вытянутые уши, широкий нос с высокими ноздрями и шрамы, испещрившие лицо и тело, а на голове копна спутанных бурых волос. Но по комплекции Виктор все же походил на человека, нежели на животное.

Пар продолжал валить вверх густым, белоснежным столбом и Тишка хотел было сказать еще что-то важное, но Виктор поднял ложку со стекающим по ней варевом, прося тишины. Не зная чем себя занять, Тишка, постукивая когтистыми пальцами по бочонку, перевел взгляд на блестящий доспех, который был прислонен к скале, поросшей мхом. Это был полный доспех со шлемом, держащимся на идеально белом черепе и скелете, спрятавшемся внутри. Скелет, сидел у стены, словно пьяница, что перебрал самогона и припал к первому же забору, забывшись пьяным сном, вот только этому бедолаге проснуться не грозило. Около его руки лежал длинный, слегка потемневший от времени полуторный меч, с изысканно выполненной витиеватой гардой.

– Так, – проговорил наконец Виктор, вычитывая рецепт, и голос его больше походил на хрип раненого зверя. – Добавить чуть-чуть чертополоха и перемешать.

Он закрыл книгу и положил ее на большую стопку собратьев разных толщины и размеров, с разными обложками из дерева и кожи. Была в куче книг и пара свитков.

– Все должно быть готово, – с замиранием проговорил Виктор, подчерпнув со дна котелка густую, вязкую жижу, схожую на вид с болотной трясиной, от которой жутко воняло кислятиной. Повернувшись к Тишке, он расплылся в пугающей улыбке, оголившей мощные, желтоватые клыки. – Пробую!

– Пусть тебе повезет, – фыркнул Тишка, скептически оценивая приготовленный отвар.

Виктор, не подув, отправил горячую болотную жижу, обладающую запахом скисшего молока, себе в пасть. Он не поморщился, сглатывая и выпуская через широкие ноздри пар. Прошла минута, во время которой оба существа молчали, ожидая эффекта. Тишка внимательно смотрел на Виктора, а тот рассматривал покрытые шерстью руки, в надежде что-то на них увидеть.

– Не сработало! – прорычало чудовище, разочаровавшись в приготовленном зелье и отправляя ложку броском в котел. – Все-таки нужна слюнная железа кровососа!

– Может и так, – согласился Тишка, вскакивая на бочонке, – но я бы посоветовал тебе задуматься о более насущной проблеме.

– Что там? – недовольно рыкнул Виктор, подходя к скелету в панцире и присаживаясь рядом с ним, отчего череп того чуть подпрыгнул.

– На этот раз богатырь, – раздраженно заявил Тишка. – Этот градоначальник не успокоится, пока твою башку не увидит на пике! Он, сукин сын, все беды на домовых, на оборотней, кровососов, на леших и водяных валит! Рыбы нет – водяной виноват! В лесу грибов нет – леший, черт горбатый, их сожрал! Баба к соседу – домовый, тварь такая, не уследил! Вот ведь су...

– Погоди-ка, – остановил Виктор разошедшегося на бочонке Тишку. – Богатырь, говоришь? Может, договориться с ним, а? Богатыри слынут тем, что грамоте обучены и стереотипы в их головах укрепились не так уж сильно, нежели у крестьянина.

Тишка на пару секунд прекратил скалить маленькие, острые зубы от злобы на градоначальника и приоткрыл рот от удивления, но взяв себя в руки, заговорил строго:

– Погляди на себя, Виктор. Кто с тобой будет разговаривать? Ты – чудовище! Когда-то ты был человеком, но теперь ты на него лишь отдаленно похож. Люди, увидев тебя, убегут врассыпную, а если же их будет много, то попытаются тебя прибить... Уж я-то знаю. Градоначальник так задурил люду мозги насчет страшной твари, которая людей по ночам в клочья дерет, что тебя сначала угостят сталью в брюхо, нежели твои речи слушать станут, а потом удивленно скажут: «Говорящая, сука, чудовища была!»

– Это тот вурдалак Сима их по ночам рвет! – зарычал Виктор, оголяя желтые клыки. – Надо с ним кончать...

– Кончай, если жизнь не дорога, – фыркнул Тишка. – Я, конечно, тоже вурдалаков не жалую, да вот только они уж куда лучше людей. А то, что он пьянь грызет, а все на тебя кривят, так это полностью твоя беда. Разве не тебя ночью заметили, когда ты этот чан из города упер? Разве не на тебя собак спустили, когда ты у торговца дом растормошил ради книг бестолковых...

– Толковые они, – буркнул в ответ Виктор, переведя взгляд на стоящие на каменном полу фолианты.

– Может, и так, – вздохнул Тишка, продолжая стоять на бочонке, словно оратор на сцене, – но что ты с этого получил? Пока, кроме преследований и еще нескольких шрамов на харе – ничего. Я все-таки домовый и живу в доме градоначальника, если ты позабыл, увлеченный варкой своих зелий человечности. И я прекрасно слышал, как Вячеслав обещал богатырю все, что тот пожелает, за твою башку, лишь бы избавиться от твари. Видимо, ему даже ворованных у горожан денег в уплату не жаль. Хотя я в этом и сомневаюсь.

– Предлагаешь убить его? Ну, того богатыря? – спросил Виктор, беря рукой запыленный меч скелета, лежащего справа.

– А что ж еще с ним делать? – развел домовой в сторону жилистые лапы и вопросительно посмотрел на чудовище черными глазками. – Что у тебя на щеке? – указал он пальцем, увенчанным острым когтем, на морду чудовища.

Виктор нехотя провел рукой по белой полосе свежего шрама на небритой щеке, что остался в память после встречи с охотником.

– Ты разве не пытался поговорить с тем охотником? – задал вопрос Тишка. – Может, ты не пытался воззвать к его глубокомыслию и теплоте душевной? Может, надеялся, что в его голове нет стереотипов? Но ни один человек, запомни, не станет тебя слушать. Ты – чудовище, и, видя тебя, они хотят уничтожить опасность. И я не могу понять, зачем ты стремишься вернуться к ним? Зачем тебе вновь становиться человеком?

– А ты? – положив меч обратно скелету в стальную перчатку, спросил Виктор голосом грубым, но грубым от изменений его лица, похожего чем-то на медвежью морду. – Почему ты, так ненавидя человека, постоянно возвращаешься в дом градоначальника, чьи моральные и этические нормы далеки от совершенства?

Тишка нервно заходил по бочонку, скрестив мускулистые и кривые лапы на груди. Молчал он недолго, с минуту, после чего остановился и ответил:

– Природа такова. Ничего с собой поделывать не могу. Я домовой и должен помогать хозяину дома защищать его владения от нечисти. Это часть меня, но другая часть знает, что творит человек, и знает также, что если Вячеслав поймает меня в моем обличии, то прибьет с радостью голыми руками. Так он, черт, ненавидит все, что считает чуждым человеку.

– Вот и я к людям хочу, – ответил Виктор, улыбнувшись своей страшной, клыкастой пастью, – потому как природа такова.

– Нет! – запротестовал Тишка, топнув лапой по бочонку. – Ты – не они. Вместо того чтобы убить опасность, ты стремишься сохранить ей жизнь, думая, что у тебя что-то выйдет, а люди убивают не раздумывая. Они жестоки.

– Так и я того охотника не по спине погладил! – резко ответил Виктор. – Ты видел его? Я ему спину сломал, а затем грудь когтями раскрыл, словно баба кошель перед лавкой торговца. Я помню, как на моих глазах его сердце пару раз дернулось и застыло.

– Ты был в обличии медвежьем! – отрицательно замотал головой домовой. – Ты защищался после того, как он тебя стрелой ранил! Все было так!

– Эх, – поднялся Виктор. – Из-за своей ненависти к людям ты не видишь многого.

– Но при этом вижу достаточно, – закончил Тишка. – Давай закончим эти препирания и сосредоточимся на том, что к тебе скоро пожалует богатырь с мечом, и он вряд ли станет слушать тебя.

– Можно отсидеться, – предложил Виктор, подходя к книгам и складывая их в стопки. – Вход в грот я завалил дубовыми бревнами, которые сам едва поднимаю, а уж какому-то богатырю их точно не сдвинуть.

– Он ведь не дурак! – разозленно бросил Тишка, оскалив острые зубы. – А ты, как я вижу, зелий перепил и теперь у тебя в башке жижа болотная вместо мозгов, если надеешься отсидеться здесь. Он, может, бревна-то не выбьет, но логово твоё найдет, а потом придет сюда со всей деревней и уж толпой-то они тебя достанут, Виктор, будь уверен. Ты, видать, богатырей плохо знаешь.

– С чего ты взял? – удивился Виктор, подходя к тлеющему костерку. Зелье уже перестало бурлить. Невзирая на все еще сильный жар, он взял чугунную емкость за уши и понес в противоположную от костра сторону грота.

– А с того, – спрыгнул Тишка с бочонка и пошел рядом с чудовищем, – что ты явно не знаешь, что у богатырей всего два предназначения: защищать границы и округу от бандитов и убивать чудовищ типа тебя, что людей косят...

– Я медовчан не трогал! – напомнил Виктор голосом грубым и резким, отскочившим от округлых стен грота, и на громкость которых Тишка не обратил никакого внимания. – Это тварь могильная Сима их рвет.

– Знаю, знаю, – ответил Тишка, останавливаясь около темной дыры в камнях, куда Виктор одним движением перевернул чан с воняющим кислятиной зельем, которое не вернуло ему бывшего человеческого обличия. – Но и ты пойми, что весь город думает, будто это ты их убиваешь, и потому для богатыря твоя смерть – дело чести. Вряд ли его поймут, вернись он и скажи, что монстр вовсе не чудовищный человек-медведь, а вурдалак, живущий на кладбище и по ночам убивающий запоздалых гуляк. Да и с пустыми руками он не вернется. Будет тебя гонять, пока не прижмет. Может, день, а может, и десять, но все равно найдет и тогда...

– Понял я тебя, понял, – встряхнув пару раз чан, чтобы остатки жижи шмякнулись на камни, ответил Виктор. – Когда его ждать?

– К полудню, пожалуй, может, чуть позже, – призадумался Тишка, наморщив волосатый лоб. – Он говорил, времени зря терять не станет и разберется с тобой до вечера, чтобы ты еще кого не убил.

Виктор на этот раз не стал говорить, что не его рук убийства в городе. Перевернув чан, он оставил его, чтобы остатки зелья стекли в яму, а сам направился к костру, а точнее – кострищу с тлеющими и светящимися ярко-желтым углями.

– Давай-ка выпьем, Тишка, – предложило чудовище, останавливаясь около деревянного бочонка, на котором только что пламенно выступал домовый. – А то с зельем не вышло, да еще богатырь этот... Погано что-то.

– Не забывай, что тебе его еще прибить надо будет, – не унимался домовый, взяв стоящие около бочки кружки.

– Оттого и пью, – буркнул Виктор, держа бочонок одной рукой, а второй выдергивая пробку с характерным звуком «чпок». – Чтоб смелости хватило.

Запах ядреного самогона моментально взвился из бочонка, ударяя существам в чувствительные носы. Виктор наполнил подставляемые домовым кружки: свою до краев, Тишкину до середины и, закупорив бочонок, поставил его на место.

– Ну, давай, – приподнял Виктор деревянную кружку в воздухе, на что Тишка ответил тем же жестом, после чего оба опрокинули содержимое в разинутые пасти.

Пару секунд молчали, не в силах ничего сказать от крепости самогона, огненным потоком обрушившегося по глотке в желудок. Первым нарушил тишину Виктор, громко выдохнув пары алкоголя.

– Я тут читал учение Григория из Дубовска, – подходя к стопке книг и вытягивая из них одну в темной кожаной обложке, проговорил он. – Вот, прочти-ка здесь.

С этими словами он вручил Тишке раскрытый фолиант с пожелтевшими от времени страницами и красивым почерком писаря, выводившего каждую букву с изысканным упорством художника.

Григорий из Дубовска

Проклятья и передаваемые по мужской и женской линии мутации

Рассматривать проклятья стоит с ракурса научного, так как черная магия хоть и творит с объектом проклятым превращения разнообразные, но осуществима становится лишь в том случае, когда есть прядь волос или кольцо с пальца или, простите, исподние прокливаемого. Лишь в этом случае возможно сотворение черной магии. Ежели так пытаться прокля-

тье сотворить – без части того человека, коего проклинают, – то проклятье едино в самого сотворившего попасть может, так как цели у него конкретной нет.

Говоря о мутациях, которые передаются через третье, а то и пятое колено, стоит обратить внимание на то, что мутация будет от того зависеть, чья натура сильнее. Из опыта, описываемого чародеем Андером Грозовым в своем научном труде «Чем чревато слияние с оборотнем!», можно понять, что дитя, рожденное от столь необычного и природе неестественного слияния, может быть полностью человеком или полностью оборотнем. Если же человеком рождается дитя, то, считай, натура человеческая сильнее была в слиянии том. Но внутри младенца остается где-то зачаток той мутации волчьей и несется оно из поколения в поколение, пока натура волка не окажется сильнее и не родится дитя с искажениями. Может он поначалу выглядеть, словно нормальный человек, но после созревания полового начнутся изменения и оборотень наружу полезет, а в полнолуние, если не контролировать данного мутанта, он и родную кровь загрызть может. Потому как зверем становится и подавляет человека внутри.

– Практически твой случай, – дочитав до конца, пробубнил Тишка, поведив беззубой нижней челюстью. – Только ты в полнолуние таким же и остаешься, сохранив разум, если такое можно сказать о том, кто вновь возжелал стать человеком.

Виктор пропустил мимо ушей колкость, забрав книгу и бережно положив на стопку остальных.

– Практически, – согласилось чудовище, вновь присаживаясь рядом со скелетом в полном латном доспехе. – Вот только Григорий из Дубовска писал не только об оборотнях, но и о мутациях, встречающихся у друидов...

– О! – произнес Тишка, ловко запрыгнув на бочонок с самогоном. – Это-то точно про тебя. Ты ж друид и есть.

– Не совсем, – покачал космагой головой Виктор, смотря в темноту грота карими, медвежьими глазами. – Любой друид может без последствий менять свой облик на звериный и обратно на человеческий. Моя же мутация, со слов Григория Дубовского, – это редкое исключение, которое прогрессирует с каждой новой трансмутацией в зверя.

– Что-то не пойму я тебя, – наморщил лоб Тишка. – Я книг не ворую, в отличие от тебя, и тем более их не читаю. Половины слов не понимаю.

– После каждого превращения я становлюсь все больше зверем, нежели человеком, – терпеливо ответил Виктор, но в голосе его чувствовалась злость или горечь, определить было сложно.

– Так оно и к лучшему! – вскочил на ноги счастливый домовый, оскалив клыкастую пасть в улыбке. – Ты уж лучше таким оставайся! Я только рад, честно!

– Эх, Тишка! – резко поднялся Виктор, подходя к бочонку и сгоняя с него домового, после чего вновь наполнил кружку и осушил ее одним махом.

– Ты пей, но меру-то не потеряй, – предостерег Тишка, усаживаясь теперь около дотлевающего костра на пару толстых веток, служащих дровами для растопки. – Вряд ли богатырь тебя поймет и в другой раз придет.

– Нельзя мне в медведя оборачиваться, – наплевав на предосторожности, сказала чудовище. – Посмотри, на кого я похож! Я стал похож на какую-то тварь...

Домовой глубоко вздохнул, словно услышал несусветную глупость, и продолжил ковыряться в углях прутиком, который нашел у ног. В это время Виктор уселся рядом, положив руки, покрытые бурыми, плотно прижатыми к телу волосами, на колени согнутых ног и опустил голову на грудь.

Ну, не скажи, – через какое-то время нарушил молчание домовый, следя темными глазами за раскаленным добела кончиком прута. – Благодаря своей мутации, как вы изволите выражаться с Григорием из Дуба...

– Из Дубовска, – подсказал Виктор.

– Да мне хоть из зада чертова, – сплюнул Тишка и продолжил: – Так вот, твои изменения сделали тебя сильнее, быстрее, ловчее. Твое обоняние стало острее, крепости тела позавидовали бы кузнецы... только что волосатый малость, но зато зимой не замерзнешь. Твои уши слышат дальше, а при необходимости ты способен превратиться в самого настоящего зверя, причем ни в какого-нибудь зайчишку, а в грозного медведя. Разве можно мечтать о чем-то большем?

– Можно, – не поворачивая косматой головы к домовому, ответило чудовище.

– И о чем же?

– Чтобы всего этого не было.

– Свыкнешься, – протянул Тишка, дую от безделья на прут. – Сколько лет ты уже не с людьми-то?

– Полтора года, – едва слышно ответил Виктор, продолжая смотреть себе под ноги.

– Ну, еще пару годков и совсем свыкнешься, – добродушно заявил домовый, выбрасывая прут в угли.

Виктор поднял голову и посмотрел на Тишку так, словно тот плюнул ему в бородатую морду и сказал, что так куда лучше. После чего он поднялся на ноги и пошел в сторону приваленных к стене пещеры бревен, напоследок сказав:

– Говно из тебя утешитель, Тишка!

– Говорю, как есть! – ответил тот, направляясь за Виктором, уже обхватывающим ствол дерева.

Дубовые бревна были чем-то вроде двери, коими чудовище закрывало вход, чтобы ни дикий зверь, ни какой заблудившийся лесник или охотник не потревожили его в пещере. Сейчас же Виктор обхватил сильными руками одно из бревен, что лежало на другом горизонтально и, кряхтя, сдвинул его в сторону, после чего отодвинул и второе. Чтобы выйти из грота, Виктору приходилось сильно наклоняться и работать плечами, чтобы не застрять меж камней. Домовому же не стоило труда протиснуться и в десять раз меньший ход.

Выбравшись из каменных тисков, чудовище выпрямило спину, громко хрустнув парой спинных позвонков. Его косматая голова поднялась к небу, по-прежнему серому и по-прежнему недождливому. Тучи стояли высоко и, объединившись, образовывали вязанный из серой шерсти ковер, который тянулся до самого горизонта. Выйдя из-за растущих у входа в пещеру молодых елочек, великолепно маскирующих черную шахту, ведущую в грот, Виктор и Тишка оказались меж двумя гигантами: спереди рос плотный лес, состоящий из осин, елок и сосен, а сзади вздымалась могучая гряда гор, уходящая вверх непреступными и острыми точно пики копий, вершинами.

– Я полечу до города, – вдохнув полной грудью свежий летний воздух, сказал Тишка, словно сегодня был обычный, заправский день. – Перехвачу того богатыря по дороге к лесу, а ты жди меня около поваленной сосны. Я как только найду его, так сразу тебя к нему выведу, а там уж ты знаешь, чего делать, верно? Не церемонься с ним, богатыри опасны.

Виктор долгое время молчал, чем заметно нервировал Тишку, водящего беззубой нижней челюстью из стороны в сторону и смотрящего черными глазами так, словно ждал он не минуту, а, как минимум, час и был готов взорваться. Но наконец-то прозвучал грубый, пугающий голос.

– Знаешь, в чем парадокс, Тишка? – спросил он, растягивая слова и переведя взгляд ярко-коричневых глаз на мелкого товарища.

– Ну и в чем же? – запрыгнув на ближайший валун, спросил домовый, явно не желающий слышать ответ, так как считал подобные изречения приятеля ни чем иным, как бесполезной тратой времени.

– А в том, что я, пытаюсь вернуть человечность внешнюю, становлюсь все большим зверем. И сегодня мне вновь предстоит совершить бесчеловечный поступок.

– Жди у поваленной сосны! – раздраженно рыкнул Тишка, подпрыгнув на камне и в мгновение ока превратившись в воздухе в большого черного ворона.

Ворон громко каркнул в лицо Виктору, после чего оттолкнулся лапами от булыжника и, замахав крыльями, взлетел над лесом, летя на юг, в сторону города Медова.

Глава 2

Богатырь

Поваленная сосна находилась к западу от грота, в котором и обитал Виктор уже целый год. Идти до нее было около получаса и Виктор, не теряя времени, отправился к месту встречи, пробираясь сквозь подлесок из орешника, кустов можжевельника и различной поросли, которая в летнее время буйно разрасталась в лесу. Перед лицом жужжали надоедливые комары, мимо пролетали слепни, за которыми охотилась армия мелких птишек, снующая в подлеске. Виктор же, покрытый плотной шерстью, достигающей ему на спине до затылка, а на груди до подбородка, проблем с насекомыми не испытывал, лишь изредка отгонял их от лица ленивым движением руки.

Весь он был поглощен мыслями предстоящей встречи с богатырем, вознамерившимся убить его ради спасения жителей города. Да, Тишка советовал не мешкая прикончить его – и дело с концом. Но Тишка был домовым, к тому же, ненавидящим людей из-за их фальши, жестокости и неестественности поведения, и ему представлялось, что убить того, кто хочет убить тебя – это дело справедливое и даже благородное. Виктор это прекрасно понимал, продолжая пробираться сквозь густой подлесок, но также он понимал и богатыря, который выполнял свой долг. Он шел навстречу чудовищу, по словам градоначальника, убившему не менее десяти пьяниц в ночное время. Шел совсем один, готовый сразить монстра не из-за славы, а ради справедливости и безопасности граждан Медова.

Виктор вдруг понял, что восхищается смелостью и настоящей *человечностью* богатыря. Теперь-то он строго решил для себя не убивать его, и на то были веские причины. Во-первых, чем чаще оборачивался он в медведя, тем более зверской становилась внешность, все больше напоминающая медведя: вытянутая челюсть, крепчающие клыки, некогда голубые глаза стали ярко карими, покрытое густой шерстью тело. Во-вторых, Виктор понял, что не может убивать богатыря лишь за то, что тот выполняет свой долг.

– Нужно постараться его убедить, – пробубнил он себе под нос, продолжая двигаться сквозь лес к поваленной сосне.

Рука интуитивно поднялась к лицу и погладила шрам, тянущийся по всей правой щеке. Тогда охотник не послушал его убеждений и вместо ответа угостил стрелой. Чудовищу лишь благодаря обострившимся рефлексам удалось увести голову в сторону от смертельной опасности, и наконецник вспорол только щеку, распалив приступом боли ярость.

Помотав головой, Виктор отогнал прочь подобные воспоминания и зашагал более свободно по усыпанной сосновыми иголками земле, выбравшись наконец из густого орешника. Небо над головой чуть посветлело, и сквозь ветви проливались тонкие лучи летнего солнца, близящегося к зениту. Настроение от такой погоды чуть поправилось, и Виктор прибавил шаг.

Место встречи – поваленная сосна, представляло собой довольно большое поле без живых деревьев. Размашистая поляна в виде следа великана, который когда-то проходил в этих краях и подмял под стопу огромную сосну, лежащую теперь на боку с выставленной напоказ корневой системой, по-прежнему держащей внушительный пласт земли. Дерево было свалено довольно давно, чтобы успеть превратиться в иных местах, где отсутствовала кора, в белое подобие обглоданной кости. Зелени на поверженном гиганте не было вовсе, если не считать мха, обнявшего нижние ветви, и пары лиственных деревьев, которые пробивались из ствола могучего дерева, словно наглядно показывая, что там, где заканчивается одна жизнь, возникает другая.

Подойдя к сосне, Виктор оттолкнулся мощными ногами от земли, поросшей высокой травой и, помогая себе руками, уселся около большой ветви дерева, похожей на костлявую руку. Прислонившись спиной к ветви, он смотрел в небо, ожидая появления Тишки.

Ожидание затянулось, и Виктор, прикрыв глаза, продолжал размышлять над тем, какие слова подобрать, чтобы не испугать богатыря, а сделать его своим союзником и рассказать о том, что он вовсе не убийца невинных пьяниц Медова. Но все те фразы, что витали в голове, казались глупыми и неубедительными. Чудище это прекрасно понимало и столь же ясным для него было то, что пара неподходящих фраз – и богатырь достанет меч и прольется кровь, и пострадает невинный.

Сражаться с богатырями Виктору не приходилось, но он слышал и видел, когда был еще обыкновенным мальчуганом и жил в городе Листвицы, как богатыри ловко орудут мечами, щитами и копьями. Видел он все это на турнире, объявленном в городе в честь праздника – дня рождения градоначальника. Тогда-то Виктор из Листвицы и увидел одетых в кольчуги, шлемы, наплечники и наколенники богатырей. Все они были крепки телом, так как такую тяжесть, защищающую их от меча, но в то же время и давящую на плечи, носить было непросто, а воевать представлялось еще сложнее. Но те воины еще как ловко охаживали друг друга тупыми мечами и пускали в ход щиты и кулаки. Тогда-то юный Виктор впервые восхитился их умением сражаться. Это были сильные и благородные воины. С одним из них ему предстояла встреча совсем скоро, и Виктор всецело надеялся, что богатырь не только хороший воин, но еще и рассудительный человек, способный прислушаться к голосу истины.

Из размышлений и детских воспоминаний Виктора вырвало громкое карканье ворона, представшего перед глазами летящим над высокими деревьями. Спикировав на торчащие из земли корни поверженного гиганта, он крутанулся в воздухе и обернулся в домового, крепко схватившегося за толстый корень.

– Сюда скачет! – запыхавшись от полета, сообщил Тишка. – Скоро на поляне будет! Будь осторожен, Виктор... Вместо плаща этот убийца носит волчью шкуру. Это не простой богатырь, мать его ети. Не играйся с ним, а кончай сразу.

– Улетай, – выслушав Тишку, ответил Виктор и перебрался к возвышающимся корням поваленной сосны, являющимся отличным наблюдательным пунктом.

– Убей его, – повторил домового, и голос его был сух и строг. Сказав, он спрыгнул с корней и, превратившись в ворона, взлетел и сел на ближайшую ветвь сосны, растущую в сотне шагов от поваленного гиганта.

Виктор проводил домового взглядом, чувствуя заполняющее тело волнение. Слова Тишки ничего конкретного или нового не преподнесли, но звериное чутье, что теперь было в сто крат сильнее, чем раньше, начало подзуживать в желудке и ничего хорошего не обещало. Но Виктор вновь отогнал от себя навязанные мысли прочь и отказываться от плана убедить воина в своей невинности не собирался. Взгляд ярко карих, едва не светящихся звериных глаз уставился меж корней на поляну, откуда и должен был появиться богатырь, движущийся из Медова.

Время текло невероятно медленно, а от ожидания и вовсе превращалось в подобие дегтя, едва тянущегося, намеревающегося и вовсе застыть.

Виктор безотрывно наблюдал за поляной в виде великаньего следа, ногтем превращая в труху уже третий корешок, но богатыря все не было. Внутренности Виктора сворачивало то ли от голода, то ли от сильного волнения, то ли от выпитого самогона и бесполезного зелья, а может, и от всего сразу. Понять он не мог, да и времени на это не было вовсе. Раздалось громкое карканье, и глаза чудовища впились в появляющуюся на коне из подлеска фигуру человека.

Огромный, черный, словно ночь, боевой конь с короткой, лоснящейся гривой, мощной грудью и подрезанными ушами, медленно ступал по поляне шагах в двухстах от укрытия Виктора. Он вез наездника, столь же крепкого, широкоплечего, с черной бородой, уходящей клином к груди и закрывающей сильную шею. Облачен ездок был вовсе не в глухую сталь, а в кожаный доспех. На голове сидела легкая шапка, едва скрывающая буйно растущие черные волосы. С плеча же ощерено смотрела волчья морда, угрожая всякому желтыми клыками.

Виктору показалось очень странным ношение шкуры на спине, особенно в летнее время. Конечно, погода с утра выдалась пасмурной, но сейчас, ближе к полудню, чуть развеялась. Боевой рысак продолжал медленно приближаться, уверенно ступая по достающей ему до середины ног траве. Чернобородый же богатырь внимательно осматривал округу, направляя коня к поваленной сосне. Виктор смотрел и ждал, ему казалось, что крикни он сейчас, то воин услышит лишь его рычащий голос и может принять это за акт агрессии и тогда кто-то пострадает. И, возможно, пострадает он сам. До этого момента чудовище не предполагало, что ему стоит бояться оппонента, но сейчас, глядя на широко расправленные плечи, мощную, но по ощущению гибкую фактуру тела и горделивую осанку, он почувствовал задатки страха. Тот, прошлый охотник, был тощеват и когда Виктор его разорвал, то отчетливо почувствовал запах алкоголя. Этот же воин был полной противоположностью: смел, уверен в себе и силен.

До корней поваленной сосны осталось не более пятидесяти шагов, когда рысак вдруг встал на месте и начал топтать копытами высокую траву, отказываясь идти вперед. Наездник немедля выхватил притороченный к седлу лук и за мгновение приложил к тетиве стрелу. Его цепкий глаз уставился на корни дерева, за которыми сердце в груди Виктора начало бешено стучать. Все планы, которые кипели в голове, вдруг испарились, точно капля воды на палящем солнце, и он, взглянув на сидящего на ветвях ворона, выкрикнул и голос сорвался на рев зверя: – Стой! Ни шагу дальше!

Тетива лука звучно натянулась и стрела, засвистев в воздухе, пронзила корни дерева с пластом сухой земли и вылетела рядом с косматой головой чудовища. Все планы рухнули, и чудовище в два рывка спрыгнуло со ствола дерева, ногтями, больше походившими на когти, вырывая оставшуюся кору и прячась за могучим стволом, где стрелы его пока достать не могли.

– Стой! – вновь заревел Виктор, не зная, что еще сказать, чтобы потушить возникший пожар. – Я не хочу воевать!

Прошло какое-то время. Стрелы больше не летели, да и топота рысака слышно не было. Это могло значить, что воин либо обходит Виктора, либо прозвучавшие слова заставили его опустить оружие. Виктор с колотящимся сердцем, вжимаясь в ствол дерева покрытой шерстью спиной, аккуратно переставлял ноги, двигаясь к корням, чтобы выглянуть и узнать, что предпринял богатырь. Странным делом, чудовище не чувствовало того страха, охватившего его в самом начале. Животная натура уже плотно сидела в нем и когда наступала опасность, то инстинкты зверя и охотника особенно резко просыпались. Лишь разум оставался тем мостом человечности, не позволяющим Виктору превратиться в медведя и, не взирая на стрелы, несущие смертельную опасность, смять чернобородого рыцаря вместе с его боевым рысаком. Человечность – все, что осталось у Виктора и все, к чему он стремился последние полтора года блужданий по лесам и полям.

Подойдя к корням, он медленно выглянул из-за них, увидев фыркающего все на том же месте коня. Вот только всадника в седле не было. В этот же момент раздалось громкое карканье, и инстинкты зверя заставили Виктора отскочить в сторону. Краем глаза он заметил блеск стали и почувствовал острую боль, скользнувшую по всей спине ледяным касанием. Зарывав от боли, Виктор вновь оттолкнулся от земли, видя, как ловко выворачивается воин и делает два шага для нанесения окончательного, смертельного удара, целясь в грудь одноручным мечом с изысканно выкованной гардой, напоминающей двух стройных дев. Реакция чудовища была инстинктивной. Уйдя от тычка в грудь, он ударил кулаком по пальцам воина так, что те захру-

стели, а их хозяин болезненно взвыл, выронив меч. Но потеря меча не стала для него поводом отступить, и он крутанулся, с размаху въехав Виктору в ухо тыльной стороной кулака.

Перед глазами помутнело, а в голове раздался колокольный звон, постепенно переходящий в тонкий писк. Богатырь вложил в удар весь вес и всю энергию резкого поворота, нанеся точный и ошеломляющий контрвыпад. Возможно, обычного человека он вывел бы из равновесия или вовсе лишил сознания, но Виктор лишь отступил назад, пошатываясь и трясая косматой головой, в то время как воин бросился искать свой меч.

– Стой! – проревело чудовище, выставяя руки ладонями вперед. – Не нужно проливать кровь.

Но кровь уже бежала и бежала хлестко из широкого рассечения на спине, идущего от лопатки до поясницы. Кровь, не прекращая, лилась из раны, и Виктор чувствовал ужасную боль и подступающую слабость. Богатырь же уже стоял с мечом в руке. В стороне валялась его шкура волка с ощерившейся пастью. Было видно, что меч воину держать очень больно, из-за пары сломанных Виктором пальцев, налитых под кожей кровью. В левую руку он выхватил из-за голенища нож с загнутым лезвием и теперь стоял в боевой стойке на согнутых в коленях ногах.

– Послушай! – постарался говорить, как можно человечней Виктор, контролируя каждое движение противника. – Я не убивал медовчан! Я ждал тебя здесь в надежде убедить в своей невиновности.

Слова чудовища явно произвели на богатыря впечатление, и он на секунду поменялся в лице, казалось, на нем возникло удивление, но вскоре вновь на свет выступили желтоватые зубы агрессии.

– А в городе все другого мнения! – словно выплюнул в ответ чернобородый, вложив в слова всю неприязнь, которую он испытывал к стоящему напротив существу. – Ты у нас еще и говорящая тварь, выходит. Так ты заговаривал зубы тем, кого убивал, верно?

– Я не убивал их, – ответил Виктор спокойно, стараясь не спровоцировать богатыря, высматривающего слабое место для атаки. – Их убил вурдалак, что обитает на кладбище. Опустить оружие и позволь мне все объяснить.

– Опустить оружие? – хищно переспросил чернобородый. – Чтобы ты на меня набросился? Ну уж нет. Я приехал, чтобы убить тварь и эта тварь – ты. Но перед тем как с тобой расправиться, мне интересно узнать, что ты такое? Откуда научился по-нашему говорить.

– Я – человек! – взревел Виктор, обожженный словами воина. – Я отличаюсь лишь внешне! Так несправедливо обошлась со мной жизнь и я...

– Ты – тварь! – сплюнул чернобородый, начав медленно заходить с правой стороны на чудовище. – Тварь, убившая с десятков жителей Медова, а теперь, когда тебе осталось жить не дольше пары минут, ты пытаешься выкрутиться. Но я не из тех, кто верит выродам вроде тебя, пусть ты хоть по-птичьи запоешь.

Гнев закипал внутри. Животное рвалось из клетки, желая разорвать на части этого нахального ублюдка, смеющегося так говорить с тем, кто мог его разорвать в два счета, и стальные зубочистки бы не помогли. Человек, на рассудительность которого Виктор возлагал такие надежды, оказался упертым и бесстрашным дураком, вымеряющим наилучшее время для атаки.

Он все продолжал кружить, и чудовище кружило, не позволяя обойти себя и чтобы не сбиться с шагу, что было делать все сложнее из-за беспрерывно текущей из раны на спине крови. Потеря крови давала о себе знать, и чернобородый это прекрасно понимал, выжидая, когда же у раненой твари наконец-то дрогнут ноги.

– Я очистил от подобных тебе кровожадных созданий не одну округу, – понимая, что Виктор пока по-прежнему представляет собой опасного противника, заговорил воин, чьи светлые, практически выцветшие глаза безудержно скользили по всему чудовищу, ища его наиболее

слабое место. – Были и говорящие, старающиеся меня заговорить, а потом бросающиеся, оскалив пасти, и натыкающиеся на мой меч. Были твари и похуже тебя, – усмехнулся он лишь суровыми глазами. – Та вон накидка, едва кивнул он головой в сторону валяющейся в траве шкуры волка, что прежде была у него на плечах, при этом, не отведя глаз, – принадлежала твари, которая убила пятерых пастухов, двух пацанов, играющих на окраине деревни, и старуху, не успевшую закрыть вечером дверь в хату. Это волчица, кормившая мясом людей своих выродков. Я убил ее, а затем и каждого из пяти едва окрепших волчат. Свернул им головы. Я улыбался, зная, что эти твари больше никому не навредят. Но теперь я выброшу эту шкуру и заменю ее твоей, сукин ты сын. Ты убил уже десять человек, да еще и в городе. Ты будешь лучшим трофеем в моей жизни.

И тут ноги Виктора дрогнули. В ту же секунду богатырь сократил дистанцию в два шага и сделал молниеносный выпад мечом, стараясь попасть острием меча в глаза. Но выпад был обманым и изогнутый кинжал уже целил в правый бок чудовища, намереваясь вырвать добрый кусок плоти. Лезвие кинжала лишь лизнуло покрытый шерстью бок, унося за собой кривую полоску крови. Виктор же уже был за спиной богатыря. Теперь можно было с уверенностью сказать, что дрожь в ногах была ложной.

Черты лица Виктора приобрели истинно звериные линии. Высокие ноздри громко втягивали воздух, глаза пылали яростью взбешенного хищника, а сквозь оскаленные клыки пробивался рев зверя. Из горла вырвался едва различимый нечеловеческий лай:

– Беги!

И было это не предостережение, а желание хищника преследовать жертву. Все мышцы на теле Виктора вздулись, подобно рекам, в чьи русла ворвалась грязь и мусор селя. Шерсть буквально на глазах начала охватывать все тело, переползая на изрытое шрамами лицо, превращающееся в огромную медвежью морду.

Не веря своим глазам и действуя скорее инстинктивно, нежели руководствуясь разумом, воин бросился на чудовище, высоко занеся над головой меч. Виктор нанес всего один удар, удлиняющейся лапой наотмашь, попав в грудь до этого ловкого, но теперь скованного страхом богатыря. Воина отбросило, словно тряпичную куклу, на добрых десять шагов, перевернув в воздухе вверх ногами. До этого уверенный и непоколебимый убийца стал жалкой букашкой на фоне трансмутирующего в страшного зверя Виктора.

Темно бурая шерсть и мощное, словно вытесанное из горной глыбы тело зверя продолжало изменяться и в землю вонзались огромные, загнутые, точно кинжал богатыря, когти. Чудовище ревело и, казалось, деревья вокруг поляны затряслись от его рева, а земля заметно задрожала. Теперь на месте отвратительно выглядевшего человека пугающей внешности стояло настоящее огромное чудовище, которое вознамерилось убить.

Богатырь этого ждать не стал. Медведь, оглушая округу ревом, поднялся на задние лапы, достигнув в холке не менее трех метров, и, увидев убегающего, чуть прихрамывающего на правую ногу, вновь заревел и бросился в погоню, но тот уже был возле невероятно смелого коня, бесстрашно ожидающего своего седока.

Воину не удалось ускакать. Как только он взгромоздился на жеребца, черная тень вспорхнула с дерева и темной стрелой понеслась на всадника. Тот успел лишь развернуть коня и прищпорить его, прежде чем ворон, выставив вперед когтистые лапы, ударил богатыря в лицо сильно, не жалея себя. Оба рухнули в траву: птица отлетела в сторону, а всадник кувырнулся с лошади назад. Но, видимо, страх или закаленность в боях не позволили ему растеряться. В следующее мгновение он вскочил на ноги с изодранной кожей на лице около глаз и, выхватив из-за пояса кинжал, встретил свою смерть.

Челюсти медведя сомкнулись на левом плече и части груди воина. Раздался истошный вой боли, хруст ломающихся костей ключицы, ребер... А затем тело воина, терзаемое чудовищем, точно кусок тряпки энергичным щенком, разорвалось на две части, не издав более

и звука. Одна половина осталась в огромной, окровавленной пасти бурого медведя. Чудовище выпустило из пасти окровавленные ошметки богатыря и пошатнулось, тяжело хрипя.

На высокую траву густо капала кровь.

Из груди медведя торчала посеребренная рукоять кинжала. Лезвие плотно сидело в теле, а спина по-прежнему кровоточила, и рану уже облепили кровососущие насекомые. Монстр сделал еще два шага в никуда и обессиленный упал на бок.

Когда Тишка смог прийти в себя и трансмутировать в домового, то он, проклиная глупость и самонадеянность Виктора, побежал к нему, безразлично перепрыгнув через кровавые ошметки богатыря. Когда же он добежал, то перед ним лежало тело очеловеченного Виктора с кинжалом в груди, сидящим по самую рукоятку. Он едва дышал, а на губах вздымались большие кровавые пузыри.

Глава 3

Слюна вурдалака

Она медленно прохаживалась по лесу, собирая грибы. Эта девушка никогда не заходила слишком глубоко в лесную чащу, но все же была куда смелее большинства медовчан, прогуливаясь по дикой местности в одиночку. Пусть это и был день, но встреча с волками или медведем могла состояться в любое время суток. Это, впрочем, ее не волновало, и она бродила с небольшим ножом в руках, срезала грибы, собирала ягоды и выкапывала какие-то корни, после чего отправляла их в корзину, что держалась на сгибе ее руки.

Следить за ней всегда было трудно, но Виктор уже выучил, когда девушка с каштановыми волосами приходит собирать грибы, ягоды и корни, а иногда листья. Приходилось сливаться с окружением и вести себя очень тихо, ведь она хоть и казалась непринужденной в своей одинокой прогулке, но была весьма внимательна. Любой странный звук заставлял ее резко оборачиваться и крепко сжимать в маленькой ладони нож. В Марии чувствовалась сила и уверенность.

Как ее зовут, Виктор узнал от Тишки, который, в свою очередь, был знаком с домовым, охраняющим ее жилище. Тишка долго и упорно высмеивал тайную слежку Виктора за девой. При этом он не забывал напоминать, что кое-кто является никем иным, как страшным, волосатым чудовищем, при виде коего Мария наверняка упадет без чувств, но вовсе не из-за резко вспыхнувших чувств любви, а как раз, наоборот, от отвращения и мерзости. Виктор уже привык к подобным заявлениям и расспросил домового поподробнее, узнав, что девушка приезжая и живет в доме одна. Занимается она тем, что приносит в город на продажу грибы, ягоды и травы из леса. На поход в лес соглашаются единицы и потому средств на жизнь ей хватает. О большем Тишка говорить не стал, презрительно заявив, что более не хочет продолжать беседу о людях, ибо и рассказанной информации чересчур, и он едва сдерживается, чтобы не зайтись рвотными позывами от пресыщения человеческим видом и всем, что с ним связано. А Виктор более и не расспрашивал... Лишь следил за Марией.

Его зрение было острее, чем у любого человека, и нос мог почувствовать запах за добрую сотню метров. Потому он знал о ней многое, а она о нем – ничего. Мария пахла травами, а больше всего мелиссой. Этот запах источала ее светлая кожа. Виктор привык к этому легкому аромату свежести и ждал каждый раз, чтобы ощутить всю его прелесть своим нечеловечески острым обонянием. А ярко карими глазами он смотрел на нее сквозь заросли кустарников, когда она выпрямлялась, отправляя очередной гриб в корзину, и откидывала каштановые волосы со своего округлого лица с маленьким, подернутым вверх носом. Наверняка, многие бы сказали, что Мария не обладала и долей той красоты, что воспевали поэты в любовных поэмах. А Тишка и вовсе ее считал отвратительной лишь потому, что она была человеком. Но Виктор, глядя на ее лицо, пусть и с заметными рытвинками от оспы, пусть чуть округлое, пусть не идеал красоты, все же наслаждался ею. Он любовался ее стройным станом, небольшой округлостью груди и в эти моменты чувствовал себя невероятно поганом. Счастье от одного только присутствия рядом с ней делало его счастливее. Но в другой момент он осознавал, что пока не нашел рецепта от своего отвратительного облика, ему не представится счастливой возможности даже заговорить с ней.

Тихо прокрадываясь и прячась за могучими стволами деревьев или в густой траве, чудовище рассуждало о том, не влюбился ли он. Ответа он дать не мог. Любовь казалась чем-то обоюдным, быть может, более осязаемым, нежели его чувства. Но он точно мог сказать, что испытывает радость при виде ее, собирающей грибы и не догадывающейся, что за ней наблюдает пара горящих глаз, что затерялась в густой листве кустарника в доброй сотне шагов от нее.

Вот и сегодня Мария вновь пришла собирать коренья и травы для продажи на расположенном в центре Медова рынке. Недолго раздумывая, она вновь вытащила из корзинки ножик и наклонилась к траве, срезая пару грибов. Она была весьма внимательна, и сбор грибов и ягод шел у нее довольно хорошо. Один раз она остановилась около дикой малины, сорвала пару ягод, отправила их в рот, но собирать в корзину не стала. Видимо, малины на рынке было предостаточно.

Виктор беззвучно, стоя на четырех конечностях, точно он уже стал зверем, ловко перебирался от укрытия к укрытию, не привлекая внимания девушки. Но сегодня его движения были какими-то ватными, словно каждая из лап была налита свинцом. Чудище перестало об этом думать, когда до уха донесся тонкий голосок едва слышимой песни, тихо спархивающей с уст Марии:

Таит лес в себе загадку,
Разгадать ее попробуй,
Кто живет в той буйной чаще?
Кто ночами вой заводит?

Сколько странных в нем животных,
Сколько раз они убили?
Может, волк ночами воет?
А может, проклятый в могиле?

Но не стоит лес бояться,
Он тебя от бед укроет,
Уважай лесную чашу,
И никто тебя не тронет.

Если волка ты боишься
Иль чудовище какое,
То от страха не укрыться,
Не сбежать в чистое поле.

Лес тебя везде настигнет,
Ну а страх – его помощник,
Ледяной своей рукою
В могилу путь тебе проложит.

Только смелый в лес без страха,
Без сомнений и тревоги
Вступит, словно в дом родимый,
Что от бед его укроет.

Сколько странных в нем животных,
Сколько раз они убили?
Может, волк ночами воет?
А может, проклятый в могиле?

Голос ее был тонок и чист, а слова песни Виктор узнал. Еще давно, когда он был не похож на волосатое чудовище, эту песню слышал в Листвице. Ее пела выступающая в городе артистка под аккомпанемент скрипача. Еще тогда песня показалась Виктору какой-то мрачной и темной.

– Кто ты?

Тонкий голосок раздался совсем рядом и застал Виктора врасплох. Встрепенувшись, он увидел стоящую в десятке шагов от себя Марию, внимательно рассматривающую его карими глазами. В руке ее был зажат нож для сбора грибов, но она явно не хотела им воспользоваться, ведь ее лицо выражало нечто иное, нежели агрессию.

– Ты следишь за мной? – задала она вопрос, глядя в горящие глаза Виктора.

– А ты меня не боишься? – спросил он первое, что пришло ему в голову, своим грубым голосом зверя.

Какое-то время они просто смотрели друг на друга. Все вокруг словно исчезло, и остались только он и она. Молчание прервала Мария.

– Мертвые ничего не боятся.

– Мертвые? – прохрипел удивленно Виктор и в нос ему вдруг ударил приторно-сладкий и омерзительно-гадкий запах гниения. – Причем тут мертвые?

Мария едва заметно улыбнулась и сделала робкий шаг к Виктору. Затем еще один. Она смотрела на него карими глазами и с каждым шагом вонь гниения становилась все сильнее. Больше не было свежего запаха мяты, лишь трупный смрад. Ее губы чуть открывались и с них срывались слова:

– Мертвые придут и те, кто когда-то убивал, станут убиенными. Расплата близка. Кровавая дань будет выплачена. Рано или поздно нужно нести ответ за содеянное. И время ответа пришло.

Последний шаг совпал с последним произнесенным ею словом. Виктор едва сдерживал себя, чтобы не отстраниться и не оттолкнуть Марию из-за ужасной вони, исходящей от нее и вползающей в ноздри. Перед ним стояла девушка, за которой он тайно наблюдал уже более месяца и мечтал лишь вот так стоять рядом с ней. Но сейчас по его коже бежали мурашки ужаса и он не мог двинуться с места. Он лишь смотрел на нее, не отрывая взгляда, а все тело стало каким-то обессиленным, словно из него вытянули всю энергию.

– *Все заплатят за свои преступления,* – проговорила Мария, переведя взгляд карих глаз на нож, по-прежнему крепко сидящий в маленькой ладони.

Виктор не мог говорить, но его могучее тело сотрясало дрожью. Мария же подняла руку с ножом и, направив лезвие себе точно в грудь, коснулась острием грубо сшитой рубахи, заправленной за высокий пояс серых штанов и вздымающейся на местах упругой груди. Одно легкое движение – и лезвие по рукоятку вонзилось в грудь девушки. Она никак не отреагировала, лишь едва сотряслось стройное тело и по груди начало расплзаться темное пятно.

– *Все заплатят за свои преступления!* – вдруг вскрикнула Мария, выдергивая нож из плоти и заноса кровавое лезвие над грудью Виктора.

Раздался громкий, глухой звук где-то в стороне и гнилая вонь охватила тело чудовища. Она вдруг стала материальной и в это же мгновение Виктор открыл глаза...

Лежа в пещере на куче сухой травы, он явственно ощущал боль в груди, словно Мария сумела-таки ранить его во сне. Примочка из трав покоилась на груди и пропиталась кровью, а боль бесновалась в незажившей ране.

– Это был всего лишь сон, – тяжело дыша, прохрипел Виктор в надежде себя успокоить. – Всего лишь сон...

Он вновь откинулся на травяную кровать, стараясь не двигаться, чтобы рана не кровоточила и боль хоть на миг утихла. Лишь косматая голова зверя коснулась травы, как пришло

осознание того, что сладковатая вонь гниющего мяса по-прежнему окружает его. Сзади раздался шорох, затем еще один и еще. Словно кто-то старался подняться на ноги.

Позабыв о боли, Виктор вскочил на ноги и едва не упал от бессилия. Его ноги подкосились, а из-за раны на груди боль пронзила все тело до мозга. Не в силах сдержаться, он зарычал. Но в следующее мгновение боль отошла на второй план, и ее место занял ужас.

На каменном полу, точно под разломом, шевелилось какое-то тело, пытаясь подняться на ноги. Отдаленно оно могло бы напоминать человека, если бы не кишасшие на нем белые, жирные опарыши, поедающие его плоть, и вокруг не летал бы рой мух. Существо же этого словно не замечало, оно лишь отреагировало на рык боли чудовища и подняло ту часть тела, которая могла бы называться головой. Разбитое вдребезги лицо с сожранной до кости какими-то зверями кожей. На остатках плоти уютно чувствовали себя личинки мух, которые валились с лохмотьев кожи, как снег с тронутой ветром ветви елки после снегопада. Свернутая набок челюсть злобно щелкнула и пустые глазницы, заполненные мухами и муравьями, зыркнули на Виктора, застывшего от накатившей волны ужаса, приковавшей его к месту.

Это был оживший труп, и каким-то образом он видел и слышал Виктора. И как только уловил рык боли чудовища, то сразу же бросился к источнику звука, перебираясь за счет одной руки и двух ног, чудом не раскрошившихся в труху от падения в грот через дыру в каменном потолке. Грудь твари была расплющена от падения и сломанные кости без труда пронзили истончившуюся и прогрызенную мухами кожу, приобретшую серый цвет. Лево́й руки, как и части груди, у трупа не было.

Тварь продолжала приближаться, нелепо, но все же отталкиваясь от каменного основания грота. Ее челюсти жадно щелкали, а пустые глазницы смотрели сотней жужжащих мух. Оцепенение Виктора прошло в тот момент, когда твари оставалось сделать всего пару рывков до него. Ноги сами попятнулись, и он отстранился, шаркая ими по камням. Глаза его были широко открыты от ужаса и лишь потеря равновесия и падение вернули ему чувства.

Удар заставил боль в груди встрепенуться и выйти на первый план. Рана стала усиленно кровоточить, и Виктор вновь взвыл, но на этот раз от того, что в его ногу вцепилась лапа твари костлявыми, пожираемыми личинками и мухами пальцами. Может, это и был оживший труп, но сила в нем была. Ногу у щиколотки словно обхватил мерзкий, шевелящийся, но крепкий капкан. Не имея второй лапы, тварь начала подтягиваться, устремляя свои свернутые челюсти к живой плоти. Не желая быть сожранным живо, Виктор попытался отползти и вырвать ногу из пальцев трупа, но те не разжались, а пасть уже раскрылась, чтобы вонзиться в плоть неровные ряды желтых, местами сколотых зубов. Виктор взревел так, что по гроту разошлось ужасное эхо, и несколько раз ударил тварь свободной ногой в череп. Сила не подвела чудовище, и голова трупа буквально треснула. Трещина прошла, начиная от правой глазницы и уходя вверх к части держащихся на гнилой коже черных волос. Из разлома в то же мгновение потекла какая-то темная жидкость, наполненная опарышами, извивающимися и явно недовольными тем, что им пришлось покинуть теплое местечко, наполненное гниющими мозгами. Вонь затмила все.

Чудом сдержав рвотный позыв, Виктор еще раз дернул схваченную трупом ногу и наконец-то высвободил ее. От страха ему удалось вскочить на ноги за пару секунд, забыв о боли в ране на груди и текущей по покрытому шерстью торсу крови. Сейчас он хотел лишь избавиться от этого дьявольского создания, что вновь начало ползти к чудовищу, отталкиваясь от камней тремя конечностями.

Пошатываясь, Виктор поспешил к каменной стене, поросшей плющом. Тварь поползла за ним, но ее замедлило то, что нужно было разворачиваться, а с одной рукой и переломанными от падения костями сделать это было трудно даже ей. Подойдя к стене, Виктор упал на колени около скелета, облаченного в стальной доспех, и дрожащей от слабости и ужаса рукой схватил полуторный меч с красивой витиеватой гардой. К этому моменту тварь уже развернулась и запрыгала к нему. Вся ее голова теперь была залита темной жидкостью с личинками.

Из пустых глазниц текли превратившиеся в жижу мозги и мухи спешили покинуть излюбленное место. Череп трупа перекосило на бок, но челюсти по-прежнему щелкали зубами.

Виктор поднялся, занес меч над головой, ожидая наилучшего момента для удара. Он осознавал, что превратиться в медведя ему сейчас, с такой-то слабостью, будет очень сложно и... В голове промелькнула мысль: «Придется рвать пастью зловонный труп». От этого Виктора скрутило так, что новый рвотный позыв отдался горечью в горле и болью в затылке. Потому он решил убить тварь, не обращаясь в зверя. И вот мертвец был около него.

В удар была вложена вся сила. Полуторный меч блеснул в солнечных лучах, пробиваясь сквозь ветви сосны, растущей на краю разлома в потолке грота, и опустился на треснувший череп с ощерившейся пастью. Верхняя часть головы разлетелась на части, словно спелая тыква, по которой заехали палкой. В руках чудовища была сконцентрирована огромная сила и от удара челюсть и шейные позвонки сорвались с плеч трупа. Вместо головы остались пара серых кожаных ошметков, растекшаяся по полу смердящая субстанция и разлетевшиеся осколки костей. Но труп был жив!

Не веря собственным глазам, Виктор отстранился, когда изуродованная падением и насекомыми рука вновь к нему потянулась. Этого просто не могло быть! Но на рассуждения не было времени. Обойдя тварь со спины и, прижав ногой ее сильно брыкающееся тело к камням, Виктор занес меч и нанес колющий удар. Затем еще один и еще.

– Сдохни же ты наконец! – проревел он, вонзив меч в очередной раз и почувствовав, что сопротивления под ногой больше нет.

Тварь наконец-то сдохла.

Виктор выдохнул и с уходящим из груди воздухом его покинули и силы, на место которых заступила разгорающаяся боль. Ноги подкосились, и Виктор рухнул на колени. Перед глазами все поплыло и чудовище, преодолевая слабость, выжимало из себя последние силы, чтобы добраться до вороха сухой травы, где на плоском камне лежала тряпица с кашицей из лечебных трав. Из-за сильной пульсирующей боли сознание на мгновение отключалось. Придя в себя, Виктор стиснул крепкие, выросшие за последнее время и зубы и добрался до лежанки, после чего с облегчением лег на нее спиной и схватил с плоского камня тряпку с кашицей из лечебной травы.

– Ох, ч-е-ерт, – едва слышно прошипел он сквозь зубы, после чего резким движением прислонил густую кашицу из трав к ране.

Тело выгнуло от пульсирующей боли, а ярко карие глаза бешено уставились в потолок. Но через мгновение он уже потерял сознание, наплевав даже на то, что в грот могла свалиться еще одна тварь... Сил сопротивляться не было.

Мертвые придут и те, кто когда-то убивал, станут убиенными. Расплата близка. Кровавая дань будет выплачена. Рано или поздно нужно нести ответ за содеянное. И время ответа пришло.

Глава 4

Ингредиент

Потеря сознания плавно перешла в болезненный сон без сновидений, а тот перетек в маслянистое пробуждение и возвращение к реальности. Кто-то шумел в гроте и чуткий слух чудовища это уловил, заставив все тело встрепенуться. Раскрыв глаза, он повел носом, улавливая отчетливую, но менее резкую вонь твари, свалившейся ранее в грот. Также пахло пылью, птицей и теплом – это был Тишка.

– Давно не виделись, Тишка, – поздоровался Виктор, проверяя пальцами примочку на груди.

– Здорово, – небрежно ответил домовой. – Я смотрю, без меня ты опять попал в неприятности. Это оживший труп, верно?

– Догадаться несложно, – убедившись в том, что примочка как следует, держится на груди, ответило чудовище. – Такая вонь может идти только от гнилого мяса. Но мне кажется, ты что-то знаешь, не так ли?

– Хм... Потому и прилетел, – прочистив горло, пробурчал Тишка. Затем раздался характерный звук удара кремня об огниво. – В городе произошло нечто странное... Как видно, и у тебя тоже.

– Да, – произнес Виктор, усаживаясь на травяной кровати. – Это тот богатырь, которого я убил дней десять назад. Видишь, у него руки нет...

Тишка даже не посмотрел на распластавшееся тело с тучей мух над ним и мечом в спине. Ударив еще раз кремнем по огниву, он принялся раздувать сухую солому, зашедшую от выбитых искр. Вскоре солома разгорелась, и домовой уселся около костра и начал подбрасывать тонкие веточки на съедение пламени.

– Ты не поверишь, – опираясь спиной на скалу, проговорил Виктор, смотря на смердящее тело, – но он испустил дух лишь после того, как я снес ему башку, а потом несколько раз ткнул мечом в спину. Что это такое, приятель?

Подбросив в окрепшее пламя еще пару веток, Тишка развернулся к безголовому телу и с силой почесал когтистой лапой подбородок, о чем-то раздумывая. Как всегда в моменты задумчивости, его лоб сильно морщился.

– Понятия не имею, – наконец-то высказал он, разведя сильные лапы в стороны.

– Ну, а в городе чего случилось?

– Три мертвых стражника, – ответил Тишка. – Сегодня поутру их сожрали крысы...

– Крысы? – не поверил в услышанное Виктор. – Крысы сожрали трех стражников?

– Да, крысы! – рыкнул домовой, явно недовольный тем, что его перебили. – Как судачат люди, утром, когда на рынке еще не было покупателей, а только торговцы, раскладывали товар, тогда-то и случилось нападение. Трое стражников стояли на площади, когда отовсюду полезли крысы. Говорят, что было их не менее сотни, а то и больше. И не обращая ни на что внимания, они бросились на стражников серой волной. Вонь, говорят, стояла чудовищная. Точно как здесь, полагаю. Да, тебе стоит убрать этот кусок го...

– Чего со стражей? – вернул чудовище домового в нужное русло.

– Чего? – невесело усмехнулся тот в ответ на вопрос. – Налетели крысы на стражников и начали грызть их за те места, которые не защищены сталью доспехов. Под колено, на внутренней стороне руки, за голову, но это тех, кто шлем не успел напялить... Если верить слухам, то крысы буквально за пару минут превратили закованных в сталь вояк в изуродованные трупы. Двоим буквально сожрали лица, так как шлемы они на головы не надели. Третий попы-

тался убежать... Но, как известно, с перегрызенными сухожилиями далеко не удрapaiшь. Вот и он не убег. Стражник оказался в шлеме, но истек кровью от укусов. И знаешь что?

– Ну? – не без труда поднялся с подстилки Виктор, придерживая примочку на груди.

– Крысы сдохли, как только растеклась кровавая лужа под последним стражником, и он испустил дух. И крысы, как молвят людишки, воняли потому, что сгнили в тот же момент, как издохли.

Чудище подошло к костру и кряхтя село около потрескивающего пламени.

– Или они уже были мертвы, – предположил он, указывая на тело.

– Да уж, – вздохнул Тишка, отправляя в пламя более толстые ветки, от чего вверх взметнулся столп искр. – Ты знаешь, как я отношусь к людям, но такой смерти, от крыс, черт бы их побрал, и врагу не пожелаешь... Быть сожранным заживо. Чушь какая-то... Тут этот в грот свалился, хотя уже давно служит едой для червей и мух. В городе крысы убивают стражу и гниют в тот же миг... Может, проклятие какое?

Виктор грустно усмехнулся, поднимаясь на ноги и направляясь к смердящему телу богатыря, коего он убил уже второй раз за последние десять дней.

– Чего ты зубы скалишь-то? – выпятил Тишка нижнюю беззубую челюсть. – Может, есть мысли получше, чего это такое, ежели не проклятие, а?

Виктор же, отбросив в сторону примочку, что уже была бесполезна, одной рукой прикрыл морду с чувствительным носом, а второй схватился за рукоять полторного меча. Раздался звук соприкосновения кости с металлом, и тело черноволосого богатыря чуть колыхнулось от высвобожденной из гниющей плоти стали. За лезвием протянулась густая субстанция, похожая на смесь гноя, крови и личинок мух. Встряхнув мечом, Виктор отделался от большей ее части и поспешил к костру, чтобы жадно схватить менее смердящего воздуха.

– Я знать не знаю, что это такое, – ответил Виктор, усаживаясь подле Тишки на бревнышко и беря из кучи солому для растопки. – Надеюсь не проклятие, потому как мне и одного хватает.

– Опять ты начал, – поднял Тишка очи горе. – Если бы не проклятие, как ты любишь повторять, то сейчас был бы ты мертв после тычка кинжалом в грудь, вон того, воняющего, точно сральня за трактиром, богатыря.

– Перестань говорить глупости! – прорычало своим грубым голосом чудище, оттирая соломой меч. – Меня бы никто не ткнул, не будь я тем, кем сейчас являюсь. Никто бы не объявил на меня охоту и никто бы не упал ко мне в грот, где мне приходится зализывать раны и скрываться от глаз нормальных людей, будь я обычным человеком.

– Глупости говоришь, – ответил домовой, поведив беззубой челюстью из стороны в сторону и сплюнув в сторону трупа. – Ты уже тот, кто ты есть. Ты для людей – чудовище. И я не устану тебе это повторять раз за разом, пока в твоей косматой башке это не усвоится. Если не поймешь, что ты не такой, как люди, то рано или поздно загонишь себя в могилу, пытаясь объяснить им, кем являешься на самом деле. Усвой, что ты монстр для них, и живи с этим.

Тишка наблюдал за тем, как яростно давит чудище на меч сжатой в кулаке соломой, слушая его высказывания. Его звериная морда ничего не выражала и он, как обычно, молча слушал, пока его рука не соскользнула с лезвия и сталь не впилась между большим и указательным пальцем. Через секунду из раны начала капать темно-красная кровь, но Виктор не обратил на это ни какого внимания. Казалось, он даже не заметил, как глубока рана.

– А я не хочу, – заговорил он наконец, бросив пучок соломы в костер. – Не хочу быть чудовищем. Я не хочу, чтобы на меня охотились, не желаю быть мишенью для стрел. Мне опротивело жить в пещере и жрать, что попало. Знаешь, Тишка, я хочу взять и искупаться в горячей баньке, хочу выйти из нее и всю ночь куражиться с девкой в постели. Хочу гулять на праздниках. Хочу смеяться и напиваться до потери сознания...

– Хочу просыпаться не от какого-то шороха, – продолжил он, безразлично рассматривая стекающую по руке кровь, – а оттого, что выпался. Хочу быть человеком, а не чудовищем.

– Попомни мои слова, – помолчав, сказал Тишка, переведя взгляд на приятеля. – Когда-нибудь стремление стать человеком убьет тебя. Я надеюсь, что не увижу этого.

Встряхнув рукой и отправляя капли крови на раскаленные головешки, от чего те недовольно зашипели, Виктор поднялся на ноги и подошел к бочонку с самогоном, выдергивая из него пробку здоровой рукой. Порез он подставил под выплеснувшуюся жидкость и зашипел от боли, но руки не отнял. Промыв рану, Виктор подставил две кружки и наполнил одну доверху, а другую – до половины.

– Не откажусь, – принял Тишка свою наполовину заполненную кружку. – Сегодня день богат на события, а ведь еще даже не вечер. Надеюсь, боле ничего необычного не будет.

– За умерших стражников, – подняло чудовище кружку, произнеся слова негромко своим звериным голосом.

Домовой ничего не сказал, но кружку едва заметно приподнял, после чего осушил в несколько глотков и громко выдохнул, вытирая тыльной стороной запястья выступившие от крепости самогона слезы.

– У тебя перекусить-то есть чего? – через какое-то время спросил Тишка, оглядываясь по сторонам в поисках чего съестного.

– Около подстилки лежит ворона, – ответило чудовище, возвращая меч в руку скелета, который безразлично сидел у стены уже долгие годы, направив свои пустые глазницы в темную часть грота, где выход был завален дубовыми бревнами. – Можно зажарить.

– Гм... откажусь, пожалуй, – поспешил с ответом домовой, переведя взгляд к травяной кровати Виктора, где, и правда, лежала тушка вороны. – Не дело есть того, в чьем облачении летаешь.

– Как хочешь, – пожал плечами Виктор, отходя от скелета и идя к бочонку с самогоном.

Взяв бочонок, он поднес его к телу, кишашему всякого рода насекомыми и личинками, и, откупорив, поднял над останками богатыря и густо полил его. Рой мух тут же взмыл над гнилой массой, громко жужжа от недовольства. Чудовище же, отмахнувшись от них здоровой рукой, поставило деревянный бочонок и взял из рук Тишки раскаленную докрасна головешку, после чего поднесло ее к облитому самогоном труп и бросило на тело. Пойло было крепким и вспыхнуло быстро, спалив в момент большую часть кружащих над телом насекомых взрывным воспламенением.

– Вони не оберешься, – заключил домовой, глядя на разгорающийся неподалеку костер, топливом для которого служило гнилое мясо, кожаная броня и волосы.

– Зато теперь есть не так сильно хочется. Ворону поберегу на завтра.

Оба вновь уселись на бревно, глядя в горящий костер. Через минуту вонь от сгорающего богатыря стала ужасно тошнотворной, и домовой предложил подождать, пока все не прогорит, на свежем воздухе. Виктор согласился. Несмотря на рану, открывшуюся сегодня при стычке с ожившим трупом, Виктор быстро восстанавливался благодаря звериному здоровью и используемым для заживления травам. Оба дубовых бревна он с гримасой сильного напряжения все же убрал из прохода, и они покинули смердящий грот, выбравшись навстречу зеленому лесу.

– Надо бы тебе провизией запастись, – предложил Тишка, вновь запрыгнув на каменную глыбу, чтобы вести разговор наравне. – Можно овец поворовать, которых пасут перед лесом, или ловушку какую придумать, чтоб зайцев ловить или лосей... Как, кстати, – заинтересовался Тишка, наморщив лоб, – ты ворону поймал? Это довольно умные птицы.

– Камнем подбил, – ответил Виктор, явно раздумывая над чем-то другим. – Залетела в грот, а у меня рефлексы и меткость хорошие.

– Ага, – согласился домовый, прихлопнув когтистой лапой муху, которая уселась ему на плечо, – но провиант тебе нужен, а то так голодать станешь.

– Нет, – произнес Виктор, смотря в чащу леса своими ярко карими глазами.

– Что значит «нет»? – усмехнулся Тишка, оскалив беззубую от клыка до клыка нижнюю челюсть. – Друиды, вроде как, колдовать еду пока не умеют, или я ошибаюсь? А ворон, уж извини, ты не насбиваешь, чтобы прокормиться... Ах ты ж, мать твою! – встрепенулся домовый, округлив свои и без того крупные черные глаза. – А ежели в грот я бы залетел и ты меня как ту ворону... камнем, а?

– Ты ворон, – пояснил Виктор. – И глаз у меня острый, я тебя вмиг от другой птицы отличу. А ежели боишься, то превращайся в кота или в кого там вы, домовые, трансмутируете?

– Ладно, – буркнул домовый, вновь усаживаясь на камень. – Ведь и верно, что глаз-то у тебя острый, но в следующий раз поймай лучше зайца, а не ворону.

– Я вот что решил, – прислонившись к камням спиной, проговорил Виктор. – Пора с этим заканчивать...

– Это с чем же?

– Со всем, – многозначительно вздохнул Виктор. – Ты знаешь, сколько зелий я уже переварил, чтоб вернуть свой человеческий облик?

– Хм... На моей памяти раз десять-то точно варил, – почесал Тишка лоб, насчитывая неудачные попытки приятеля. – Уж не с ними ли ты кончать решил?

Пропустив слова домового мимо ушей, Виктор продолжил:

– Я прочел один рецепт в старой книге и авторства она не имеет по понятным причинам. Так вот, в ней описан случай моей друидской мутации, а потом, в отличие от всего, что я прочел, написано, как бороться... Есть рецепт, и он может вернуть мой человеческий облик и...

– Прекрати! – отмахнулся Тишка от приятеля, как от назойливой мухи. – Ты, черт бы тебя побрал, приготовил не менее десяти зелий и ни хрена не сработало! Так чего ты гонишься за собственным хвостом? Живи таким, какой есть! Свыкнись уже с этим!

– Дело в том, – спокойно продолжил Виктор, – что не могу я так жить и тебе меня не понять...

– А как же иначе, ага.

– Рецепт содержит в себе один ингредиент, который получить крайне сложно, и я все это время старался найти ему замену и так ни к чему и не пришел. Будь у меня тот компонент, так я вновь бы стал человеком, понимаешь?

– Еще как понимаю! – вскочил на камне Тишка. – Понимаю, что ты болван! Но, так и быть, скажи, что же это за такой редкий ингредиент для твоего варева?

Виктор усмехнулся уголками пасти, от чего на свет показались желтоватые клыки. Кажется, он готовится к реакции домового на слова, которые собирался произнести. Тот же скептически взирал на чудище, явно не веря в волшебные травы и тому подобное вранье, чем может утешить себя безнадежно больной.

– Слюнная железа упыря, – произнес Виктор. – Вот такой компонент мне нужен.

Оба молчали. Тишка, услышав, присел на камень, смотря на Виктора, как на полного дурака, который решил потушить костер, сев в него голой задницей. Молчание затянулось.

– Ты, я так полагаю, собираешься достать эту самую железу, верно? – наконец-то проговорил домовый, и голос его веял спокойствием, что само по себе было удивительным. – И единственный упырь в округе – это Сима. У него, да?

– Да, – безразлично ответил Виктор, почесывая косматую голову.

– Гм... гм... Дело в том, – прокашлялся Тишка, – что у тебя есть два варианта: продолжать искать заменители этому компоненту или бросить варить зелья вовсе. Я советую второй вариант.

– Нет, – сурово ответил Виктор. – Мне уже давно пора разобраться с этим убийцей. Именно из-за него охотники приходят за мной, думая, что убийство пьяниц моих рук дело. Эти убийства не прекратятся, пока упырь не умрет, к тому же, мне нужна его слюнная железа. Без этого компонента мне не вернуть свой облик.

– Если попытаешься ее достать, то умрешь! – не выдержал наконец Тишка и закричал. – Ты либо совсем головой двинулся, либо хочешь концы отдать! Упырь порвет тебя, как волк шавку! Ты это понимаешь? Стоит тебе к нему сунуться и – тебе конец!

– Успокойся! – поднял руку Виктор. – Я кое-что понимаю и с жизнью прощаться пока не собираюсь, потому хватит причитаний и безосновательного страха! Как только моя рана заживет, я добуду эту чертову слюнную железу и вспорю брюхо чертову упырю!

С этими словами он развернулся и устремился в узкий проход грота.

– Есть много более приятных способов сдохнуть! – выкрикнул ему вслед Тишка, но из грота раздались стуки, говорящие о том, что Виктор заваливает вход бревнами дубов.

Фыркнув себе что-то под нос, Тишка сплюнул, подпрыгнул на камне и, сделав кульбит в воздухе, обернулся большим вороном, взмыл над верхушками деревьев и помчался на юг к городу Медов, пару раз громко каркнув.

Глава 5

Домовой не в себе

Рана на груди наконец-то затянулась. Кровь больше не выступала при резких движениях, да и боль ушла. Теперь от страшного удара богатыря остался лишь очередной шрам на теле, который укрывала густая шерсть. Впрочем, обращение в зверя не прошло так уж бесследно. После того, как он в облики медведя разорвал богатыря, его человеческое тело стало еще менее узнаваемо. Шерсть начала гуще выбиваться и на лбу, а челюсти заметно удлинились. Голос стал более грубым, нежели прежде. Ко всему Виктор отнесся спокойно. Он знал, что так и произойдет.

Когда рана зажила, Виктор наконец пошел к основанию горы, откуда брал начало ручей, который после вилияния в лесной глуши впадал в Глубоководницу, и в небольшом естественном разливе искупался. Вода была ледяная, даже в летний период, но его тело уже давно привыкло к холоду камня в гроте, да и переносить холод ему было просто. А желание смыть с себя осевший с тела ожившего богатыря смрад, было таким неудержимым, что плевать, если в воде плавали бы кусочки льда. От трупа, которое как следует выгорело, Виктор избавился в тот же день, оттащив его подальше от грота и оставив под деревом. Закапывать было бесполезно, потому как любой дикий зверь раскопал бы могилу и все едино сожрал бы поджаренные останки.

С едой тоже проблем не возникло, так как достаточно было взять более-менее увесистый камень и подождать, пока один из горных козлов, прыгающих по каменистым уступам, не спустится ниже, чем следует. Виктор своим метким и невероятно мощным броском обеспечил себя свежим мясом, которое не шло по великолепию вкуса не шло в сравнение с едва хватавшим на укус мясом вороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.